

На правах рукописи

Гатауллин Адель Искандэрович

**СОЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМАХ ОТЧУЖДЕНИЯ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия.

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Казань – 2011

Работа выполнена на кафедре социальной философии философского факультета ГОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Лебедев Алексей Борисович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Падерин Валерий Константинович

Кандидат философских наук, доцент
Гайнуллина Лилиана Файбергловна

Ведущая организация: Казанский государственный университет
культуры и искусств

Защита состоится 22 декабря 2011 г. на заседании диссертационного совета Д 212.081.16 при Казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу: 420111, г. Казань, ул. Пушкина, д.1, ауд. 205

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2011г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
Кандидат философских наук,
доцент

Гизатова Г.К.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования социального субъекта в исторических формах отчуждения обусловлена двумя причинами. Прежде всего, спецификой той социальной ситуации, в условиях которой происходит трансформация субъекта модерна и статуса его свободы, напрямую связанная с классической бинарной оппозицией Субъект-Объект.

Социально-экономическая мизансцена XX века, как продукт утверждения капиталистического общественного строя и индустриализации, представляет собою последнюю на данный исторический момент стадию развития социальности, и выстроена исходя из таких идеалов эпохи Модерна, как вера в всеислие разума и в принцип свободы субъективности, или, говоря словами Хабермаса, в «требование, чтобы могли, достигая своего права, развиваться все существенные стороны духовной тотальности»¹.

В результате мы получили блага цивилизации, в числе которых сокращение детской смертности, увеличение средней продолжительности жизни, повышение калорийности и питательности пищи, средства для преодоления физической боли, ликвидация множества смертельных болезней. Все это – есть неотъемлемые части почти полного преобразования технологического механизма общества и его экономики. Однако развитие человечества в интеллектуально-культурной сфере катализирует и появление опасных иллюзий собственной свободы, всеисливости и уверенности в собственной способности к объективному социальному целеполаганию. Ирония истории как раз и заключается в том, что социальный субъект, активно использующий «лифт» возросшей социальной мобильности, не только *a priori*, но уже, как мы можем ясно видеть, и *a posteriori*, не имеет рациональных навыков просчитать, спрогнозировать будущий результат взаимодействия исторических связей, событий, даже собственных социальных ходов, мультивалентным образом переплетающихся с историческими случайностями. Ведь, как пишет, к примеру, Мамардашвили

¹ Хабермас, Ю. Философский дискурс о Модерне. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003, с. 17.

М. К., рассуждая об общественном законе, совершение субъектом каких-либо действий приводит к неожиданным последствиям². Моделируя, как субъекту кажется, истинный проект будущего общественного бытия, просчитывая все новые программы социальных актов и рокировок, протагонист общественной жизни не задумывается о том, что, возможно, на данный момент социально-историческая ситуация не требует от него вообще никаких действий. А общественное сознание уже предзадало ту точку зрения, которой он придерживается, не подозревая об идеологической ангажированности своих собственных мыслей. Мысли и цели в известном смысле уже более не принадлежат нам самим, всё происходит автоматически. «То есть действуем уже как бы не мы, а действуют сами отношения»³, и сам действующий и сознающий субъект, будучи заменённым законами социальной физики, становится попросту не нужным.

Вторая причина прямо следует из первой, но носит методологический характер и указывает на принципиальную недостаточность использования подходов в исследовании традиционной для современной социальной философии проблемы свободы исторического субъекта в условиях постмодернити. Верно, что чтобы проникнуть вглубь исторического процесса и понять историю, простого знания о том, какова на данный момент социальная мизансцена, недостаточно. Необходимо выяснить, каким именно образом суть дела оказалась таковой. Однако раз уж во главе угла всегда находится сам субъект, а в данном случае и степень его свободы, то, как нам кажется, является ошибочным использование лишь классического социально-философского методологического арсенала. Говоря иначе, в постсовременных условиях решить проблему или сформулировать гипотезу наиболее эффективно можно лишь принципиально внеструктурным и нелинейным образом.

² Мамардашвили М.К. Введение в философию // Философские чтения. – СПб.: Азбука-классика, 2002, с. 168.

³ Там же, с. 160.

Социального субъекта нельзя сделать очередным объектом исследования, попросту забыв о том, что он есть человек, более того, забыв о том, что сам исследователь также является человеком. Уверенность в возможности зафиксировать подобный объект, проанализировать его в статике чревата той же ошибкой, которую в свое время совершали квантовые физики в процессе изучения электрона: верно, что социальный субъект есть продукт общественных отношений, результат использования им его же собственных производительных сил. Верно также и то, что мы сами «делаем» свою историю, но в таком случае возникает вопрос о правильной трактовке этих общественных отношений, а значит и феномена субъекта.

Актуальность исследования связана с тем, что мысли и действия социального субъекта, помимо на первый взгляд прозрачных общественных отношений и достаточно хорошо исследованной проблемы отчуждения, фундируются ещё и так называемым психоаналитическим отчуждением, тесно связанным с формированием идеологического фантазма. Субъект отчуждается от своего собственного существа даже в простой беседе с другим субъектом, и напрямую с классической превращённой формой мышления это не связано. Возникающая фрустрация в дискурсе субъекта привела структурный психоанализ в лице Жака Лакана к выводу, что человек есть ни что иное, как лишенное экзистенциальной достоверности его собственное создание в сфере воображаемого⁴. Даже если система, социальная тотальность и идеология, используя тщательно организованный рынок, удовлетворяют потребности субъекта, действуют в соответствии с его принципом удовольствия, социальные адресаты все же не исцеляются от фрустрационной тревоги.

Мы полагаем, что обратив своё внимание на особенности психоаналитической практики, социальные теоретики смогут по-новому проанализировать глубинную архитектонику последней на данный момент исторической формы отчуждения, при которой господство знака, более

⁴ См.: Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Издательство «Гнозис», 1995., с. 20.

известное как «монополия кода», лишает смысла классическую теорию потребностей.

Степень изученности проблемы. На первый взгляд сложно разделить используемые в работе источники на какие-либо концептуальные группы, ведь чуть ли не весь нынешний социально-философский аппарат создавался по преимуществу в рамках марксизма, а значит и гегельянства, а также их переосмысления. Тем не менее, источники условно могут быть разделены на три группы. К числу источников первой группы относятся те, которые позволили эксплицировать классические социокультурные детерминанты таких проблем, как феномен отчуждения, превращённая форма мышления и идеология в условиях индустриального общества.

Философско-идеалистическую основу феномена отчуждения выявил Гегель. Затем на основе критики его позиции К.Маркс и Ф.Энгельс показали и обосновали методологическое значение категории «отчуждение» в ракурсе диалектико-материалистического понимания мира, указав, тем самым, на необходимость применения данной категории в философско-экономическом анализе механизма функционирования современного им общества. Далее труд был обозначен ими как главный отчуждаемый и в то же время отчуждающий элемент, а понятие идеологии получило второе рождение в форме зависимой от производственных отношений надстройки, выражающей интересы господствующего класса и транслирующей их посредством товарно-денежного фетишизма. Данная концепция задала вектор для всех последующих исследований общественного бытия и его субъектов.

В само понятие субъекта необходимо входят такие характеристики, как разумное целеполагание, аксиологическая составляющая и социальная мотивация. Субъектность как таковая говорит о том, что люди «делают историю», полагают её продуктом своей деятельности. Это есть стабильная социальная система, в рамках которой индивиды взаимодействуют, будучи объединёнными общим духовным, либо материальным интересом. И именно прежде в лоне немецкой классики анализ причастности индивида к

социальной жизни привёл мыслителей к пониманию классов, народов, наций как носителей социальной субъектности.

Говоря языком Г.В.Ф. Гегеля, субъект есть негативность индивида, использование его сущностных сил на преобразование окружающего мира и взаимодействие с другими участниками общественной жизни. Результатом этого должно быть обратное восстановление, дособирание себя в непосредственного социального субъекта. В этом круге и кроется истинное социальное бытие, которое представляет собою нечто объективно реальное лишь благодаря развёртыванию субъекта, а затем в восстановлении единства. Социальный субъект существует лишь в таком диалектическом движении. Он подразумевает наличие негативности в себе самом, то есть реализацию себя в окружающих природном и социальном мирах.

К.Маркс и Ф.Энгельс использовали и развили эту философскую идею Гегеля в своей теории классовой борьбы. И в первой половине XX века наиболее яркими представителями, развивающими марксову линию рассуждений, были так называемые «неомарксисты» А.Грамши, Д. Лукач. Последний рассматривал проблему отчуждения субъекта через преодоление «фетишистского отрицания»⁵. Сам неомарксизм, кстати сказать, возник из стремления дать ответ на те вопросы, на которые так и не смог ответить марксизм традиционный. К примеру, почему, не смотря на развитое рабочее движение, в Западной Европе так и не состоялись социалистические революции, в чём причина появления тоталитарных и нацистских режимов. Эти и другие вопросы обрели свое дальнейшее рассмотрение в трудах социальных философов Франкфуртской школы, которые выстроили обновленный критический подход к теории современного им индустриального общества и сумели концептуальным образом соединить философские категории с понятиями политэкономии и социологии. Так, гегелевская диалектика и закон отрицания отрицания в концепции Теодора

⁵ См.: Лукач Д. К онтологии общественного бытия: пролегомены / Пер. с нем. Общ. ред. и вступ. ст. И.С.Нарского. – М.: Прогресс, 1991. – 412 с.

Адорно преобразуется в негативную диалектику и абсолютное отрицание⁶. А Макс Хоркхаймер успешно соединил марксистские социально-экономические категории и некоторые выводы психоанализа Фрейда, создав так называемую критическую теорию общества⁷. Вместе с ним для социально-философского анализа феномена подчинения субъекта индустриальному обществу в условиях тотального отчуждения используют психоаналитическую теорию также Г.Маркузе⁸ и Э.Фромм⁹, раскрывая репрессивную деятельность принципа реальности по отношению к принципу удовольствия. Помимо названных теоретиков, несомненный интерес в данном ключе представляют также труды В.Беньямина и Ю.Хабермаса.

В процессе построения максимально точного и цельного представления исследуемых общественных явлений значительную роль сыграли выводы понимающей социологии в лице Г.Зиммеля и М.Вебера. К примеру, вывод Вебера о том, что антагонизм капиталистического общества интерпретируется через понятие рациональности, целерационального действия¹⁰. Его концепция, кстати, оказалась одним из идейных источников уже упомянутых франкфуртцев.

Первая группа источников включает в себя также и труды философов-экзистенциалистов М.Хайдеггера, Ж.П.Сартра, А.Камю, помимо этого в известной степени иррационализм Ф.Ницше и доктрину массового общества Х.Ортега-и-Гассета. Учитывая, что центральной проблемой в социальной философии так или иначе является общественный человек, нельзя было не раскрыть проблематику отчуждения как переживаемую человеком ситуацию онтологической покинутости и одиночества, абсурдности своего

⁶ См.: Адорно, Т. В. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.

⁷ См.: Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения: философские фрагменты / М. Хоркхаймер – М.; СПб.: «Медиум»: «Ювента», 1997. – 311 с.

⁸ См.: Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г.Маркузе. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

⁹ См.: Фромм Э. Бегство от свободы // Эрих Фромм. Бегство от свободы. Человек для себя / пер.с англ. – М.: АСТ Москва, 2006.

¹⁰ См.: Макс Вебер «Протестантская этика и дух капитализма» // Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990.

существования¹¹, заброшенности в безликое массовое общество¹², в котором индивидуальность растворяется в усредненности¹³.

Вторая группа источников характерна принципиально иным пониманием феномена отчуждения, когда при переходе общества из индустриальной в постиндустриальную стадию реификация сменяется знаковым отчуждением. Наиболее полным образом оно описывается Жаном Бодрийяром и обозначается им как «монополия кода»¹⁴. Однако было бы ошибкой пользоваться постструктуралистским «скальпелем», не попытавшись прежде подвергнуть семиологическому анализу экономические отношения, используя достижения структуралиста Фердинанда де Соссюра¹⁵.

В целом структуралистская концепция, которая была представлена также и в трудах Леви-Строса¹⁶, помогла нам увидеть социальную реальность как продукт умственной деятельности бессознательного, и преодолеть некоторую догматичность самого структурализма. А постструктуралистская лингвистическая модель Фуко помогла описать превращение языка в самодостаточную систему, ниспровергающую социального субъекта¹⁷.

Перечисленные источники служили выполнению нескольких задач. Но своего рода мета-задачей было построение в процессе исследования, так сказать, социально-философского «плата» в духе постмодернистской ризомности, то есть выстроить «корневую систему» таким образом, чтобы каждый её теоретический элемент в какой-то степени объяснял элемент соседний либо диахроническим, либо синхроническим образом. Это необходимо для раскрытия ключевого тезиса: мы не можем в точности

¹¹ См.: Камю А. Миф о Сизифе; Бунтарь / Пер. с фр. О.И. Скуратович.- Мн.: ООО «Попурри», 2000.

¹² См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М., 1991.

¹³ См.: Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – СПб.: «Наука», 2002.

¹⁴ См.: Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д.Кралечкин. – М.: Академический Проект, 2007. – 335 с.

¹⁵ См.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

¹⁶ См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

¹⁷ См.: Мишель Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступительная статья Н.С. Автономовой, СПб., А-сэд, 1994ю

описать статус социального субъекта, ибо его положение находится, говоря кантовским языком, между феноменальным и ноуменальным уровнями¹⁸, в постоянном смещении, он есть и синхрония, и диахрония одновременно. Здесь теоретическим подспорьем нам послужила третья группа источников: Жак Лакан и Славой Жижек.

Объектом исследования является пост-современное общество как общество потребления, нацеленное на превращение индивида в объект общественного манипулирования.

Предмет исследования – проблема свободы социального субъекта в исторических формах отчуждения.

Целью исследования выступает изучение особенностей устройства постмодерного общества потребления и экспликация тех метаморфоз, которые претерпевает представление исторического субъекта о своей собственной свободе, выяснение степени утраты постмодерным субъектом классических атрибутов свободы.

Реализация этой цели предполагает решение ряда **задач**:

- 1) Проследить эволюцию «позитивности» как источника социальности и трансформацию его в философское понятие отчуждения Гегеля, а также философско-экономическое понятие Маркса;
- 2) Описать основные этапы дальнейшего оформления проблематики отчуждения в социально-философских концепциях XX века;
- 3) Проанализировать динамику изменений степени свободы социального субъекта в переходе от эпохи модерна к постмодерну;
- 4) Выявить специфику превращённых форм человеческой деятельности в условиях общества потребления;
- 5) Рассмотреть в связке с феноменом свободы основные черты феномена идеологии;
- 6) Раскрыть социальную роль психики субъекта общественного бытия, психоаналитическую составляющую его социальной жизни.

¹⁸ См.: Жижек, С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. – М.: Издательство «Европа», 2008.

Методологическую основу исследования составляют общепhilosophические принципы и методы сравнительно-исторического исследования, метод единства исторического и логического, принципы восхождения от абстрактного к конкретному, использование методологии психоанализа, экзистенциализма и постструктурализма. Подобного рода методологический синтез представляется вполне уместным и, более того, эвристичным именно потому, что переживаемая «бунтующим человеком» драма индивидного одиночества неотделима от исследуемой в постструктурализме деверификации субъекта.

Отдельное внимание следует уделить методологии структурного психоанализа, позволившая раскрыть глубину и сущность человеческой психики в многообразии её проявлений. Автор стремился указать на необходимость и возможность принципиальной взаимосвязи между социально-philosophическими методами и методами психоанализа в изучении социальных отношений, процессов, и их участников.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) Выявлено, что к началу XXI века идеологический фантазм становится способом превращения социальной действительности в иллюзию, способную не только укрыть социального субъекта от травматичной по своей сути объективной реальности, но и превратить прибавочное наслаждение в атрибут индивидного существования.

2) Установлено, что последняя по времени форма идеологии представляет собой сферу деятельности новейшего социального типа личности – супер-субъекта, характеризующегося неспособностью субъекта преодолеть эффект знаковой перенасыщенности социального пространства, и являющегося порождением идеологического фантазма, и, следовательно, носителем способа потребления, не оставляющего человеку возможности выхода за пределы границ недостижимого объекта желания (*objet petit a*).

3) Определено, что превращённая форма идеологического содержания супер-субъекта предстаёт в виде проблемы его свободы как меры

самоосуществления его родовой природы.

4) Психоаналитический анализ отчуждения субъекта позволил эксплицировать процесс преодоления пост-идеологии, в рамках которой супер-субъект полностью идентифицирует себя с существующей идеологической нормативностью.

Положения, выносимые на защиту.

1) В процессе преобразования общества из индустриального в постиндустриальное и глобализированное, происходит обострение отчужденного характера взаимоотношений человека с окружающей его действительностью, человека как социального субъекта с другим социальным субъектом, а также с самим собой. Социальные «мутации» феномена отчуждения создают такую его новую форму, как знаковое отчуждение.

2) Аналогичным образом изменяется феномен идеологии, удачно подстраиваясь под конкретный социальный заказ, иначе говоря, смена идеологических форм становится сменой форм отчуждения.

3) Сама идеология представляет собою тот социальный заказ, исполнять который человечество готово, даже если он перестанет соответствовать принципу удовольствия каждого социального субъекта.

4) Новой версией феномена идеологии эпохи постмодернити является проблема супер-субъекта. На данный момент феномен идеологии как супер-субъекта невозможно подвергнуть успешной деконструкции, так как социальные теоретики, являясь социальными субъектами, также находятся под влиянием идеологического фантазма.

5) Супер-субъект представляет собою пример социальной смерти или болезни участников общественной жизни, при которой идеология оказывается невосприимчивой к политическому, экономическому и социальному влияниям. А социальные субъекты при этом лишены стремления действовать, реализовывать свою индивидуальность и волю посредством социального конструирования, участвовать в управлении

государством. Данная ситуация понимается как необходимый исторический этап общественного развития, как его диалектическая стадия, являющаяся по своей сути социальной негацией.

6) В конечном итоге феномен отчуждения предстает не в характерном для социально-философских концепций виде, к примеру, в виде трансформации деятельности субъекта и её результатов в господствующую над ним и враждебную ему самостоятельную силу, а как симптом, давший уникальную для социальных теоретиков возможность взглянуть на проблему человека в более сложном ракурсе, в котором методология структурного психоанализа действует в связке с социальной философией.

Теоретическая и практическая значимость исследования исторических форм отчуждения и статуса субъекта в них состоит в том, что меняется образ самого субъекта в общественных отношениях. Выводы автора приводят к необходимости создания принципиально нового метода исследования сущности общественных отношений и субъекта как их непосредственного носителя, синтезированного в рамках социальной философии и структурного психоанализа. Также полученные результаты могут быть использованы в качестве подспорья для дальнейших изысканий в области феноменов отчуждения и идеологии.

Выводы и положения диссертации могут быть использованы в преподавании учебных курсов социальной философии, культурологии, социальной онтологии и философской антропологии.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы изложены в пяти публикациях автора, две из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК. Помимо этого результаты исследования были отражены в двух докладах на конференции: «Проблемы культурной идентичности в глобализирующемся обществе» 2009г. А также в научно-аналитическом журнале «Научная перспектива» 8/2011.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, в составе каждой из которых по три параграфа, а также заключения, и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОЖЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** диссертационной работы обосновывается актуальность темы исследования, дается общее представление о степени теоретической разработанности проблемы, формулируется цель и задачи, раскрывается научная новизна исследования и его научно-практическая значимость.

Глава 1 «Общество модерна в критике Проекта Просвещения» посвящена анализу феномена отчуждения в целом и тех концепций, которые позволили эксплицировать классические социокультурные детерминанты этого феномена в условиях индустриального общества.

В §1 **«Отчуждение как центральное философское понятие Гегеля и философско-экономическое понятие Маркса»** воспроизводится развитие проблемы отчуждения в рамках концепций Г.В.Ф.Гегеля, К.Маркса.

Все развитие общества со всеми его идеологическими формами, производимыми в ходе истории, является продуктом его деятельности и способом проявления воспроизводства общества. И результаты человеческой деятельности обретают автономию от сознания людей, но и противостоят им как особая самостоятельная сила, как объективность, как объективный результат развития самого разума и продукт его деятельности. Данная, в известном смысле «мёртвая», объективность в форме отчуждения противостоит субъективности человеческой практики.

При этом истинная человеческая индивидуальность развёртывается только в ходе общественно-исторического развития, в ходе создания всё более объективной, пусть даже овеществлённой, системы опосредований, - то есть в ходе всё более интенсивного отчуждения как особого вида человеческой деятельности, посредством которой все общественные образования, структуры, предметы человеческой деятельности возникают и

приобретают своё собственное специфическое предметное содержание. Здесь сама история возникновения предметности и социальности посредством отчуждения предстаёт как собственно исторический процесс, как сугубо диалектический оборот на пути субъект-объекта к самому себе. Этот процесс исторически перманентен, ибо он суть отчуждение духа во времени, а значит, действительное становление, действительная история, отчуждение духа от самого себя, ибо «негативное есть негативное себя самого» (Г.В.Ф.Гегель).

К.Маркс и Ф.Энгельс первыми ставят проблему человеческой действительности, где происходит отчуждение сущности человека от его существования, человека от своей родовой природы, человека от человека. Они использовали отчуждение в философско-экономическом анализе механизма функционирования общества. Помимо материальных условий труда, в качестве капитала в отчуждённой форме рабочему в его деятельности противостоят также и интеллектуальные условия, что прямо видно в отчуждении управления производством и в отчуждении науки от рабочего. В процессе исторического развития углубляется отчуждение государства от индивидов, социальные институты превращаются в выстроенные в иерархической форме бюрократические системы.

Отчуждение начинается с опредмечивания. Определмечивание – процесс превращения деятельных свойств субъекта в свойства объекта, непреходящий способ осуществления общественной жизни человека. Происходит не только превращение замыслов и целей человека в предметы, в вещи, но и само переживаемое, экзистирующее сознание подвергается психологической реификации. Таким образом, опредмечивание воздействует на объекты, а реификация (овещнение) – на самого субъекта (деперсонификация). В капиталистическом обществе данное явление органично вписывается в сознание людей, влияя на сознание как на уровне идеологическом, так и на повседневном.

Вся человеческая история, все общественные формы, возникающие и аннигилирующиеся в истории, представляют собой продукт общественной

деятельности людей. И в результате этой деятельности формируется не совсем то, что люди сознательно представляли в качестве цели своих действий. В сам механизм воспроизводства общественного сознания атрибутивно входит момент искажения. Это значит, что сознание перестает быть сознанием в рациональном понимании. Маркс устанавливает, что на определенном этапе происходит подмена: человек думает, что жизнь сложилась и теперь ее можно познавать. Но на самом деле жизнь уже заложила основы нашего понимания этой жизни. Существуют стихийные, объективные (или «позитивные») процессы в развитии общества, которые направляют его в определенное русло. Система, таким образом, сама себя конституирует. Так возникает фетишизм, который приводит к инверсии – когда вектор, направленный от производственных отношений к предмету, оборачивается таким образом, будто именно предмет и является необходимой причиной деятельности.

Превращенная форма мышления – процесс, в котором видимые эффекты на поверхности целого в качестве его формы скрывают его фактический характер и прямую взаимосвязь его внутренних отношений, и заменяется косвенными выражениями, которые в свою очередь бытийствуют в виде отдельного качественного цельного явления. Форма вещи получает свое самостоятельное квазисущностное бытие, а содержание сливается со свойствами материального носителя форм, начинает развиваться по его логике.

В §2 ««Негативная диалектика» и проблема тотального снятия социальных противоречий» вопрос о взаимодействии субъекта и общества в условиях отчуждения рассматривается сквозь призму идей социальных философов Франкфуртской школы, которые выстроили обновленный критический подход к теории современного им индустриального общества и сумели концептуальным образом соединить философские категории с понятиями политэкономии и социологии.

Проблема массового общества, представляющая собою спектр специфических черт современного общества, явление, возникшее как результат тотальной индустриализации и урбанизации, становления всеобщей грамотности населения, деградации многих форм традиционной обыденной культуры доиндустриального типа, массового потребления, экспоненциального развития средств массовой коммуникации и массовой культуры и так далее.

В данных условиях разум становится технически ориентированным, превращается в универсальный инструмент калькуляции; служит осуществлению господства над природой и приобретает значимость лишь благодаря своей способности выполнять данную функцию. Подобно этому и сам социальный субъект обретает черты инструментальности, сподручности, образ вполне заменимого элемента — крошечную шестеренку, положение которой определено целями и законами машинерии производства\потребления и подчинено законам функционирования индустриального общества. Техническая, математическая рациональность, благодаря которой была сформирована «культуриндустрия», является рациональностью господства как такового. И если кантовский субъект в известном смысле самостоятельно схематизировал мир, автономно приводил в соответствие чувственное многообразие с фундаментальными понятиями, то «культуриндустрия» в наше время делает это за него. Логический закон является ключевым фактором в образовании системы как целого, агрессивно настроенного по отношению к своим частям. Диалектика, таким образом, является тем инструментом, при помощи которого у теоретиков появляется возможность раскрыть различие между субъектом и объектом как между особенным и всеобщим, указать многообразие различного как такового. Она представляет собою борьбу против господства тождественного, в которой частности восстают против всеобщего. Умение мыслить диалектически позволяет протестовать против всего, что навязывается субъектам. Основным смыслом, основной особенностью негативной диалектики — осуществление

постоянной рефлексии над собственным движением, что и делает негативную диалектику по-настоящему негативной. Субъект здесь не может распределить объект, так как будучи опосредованным от объекта, не является чем-то качественно иным по отношению к нему. Так возникает чрезвычайно важный для негативной диалектики принцип первенства объекта, который требует признания его во всей его нетождественности и «инаковости». Самая важная задача – разрушение самим субъектом иллюзии конститутивной субъективности, которая формирует собственно целостность. Субъекту следует последовательно осознать «нетождественность». Однако исходя из своего устройства, сознание нацелено на единство и пока это так, «нетождественное» предстает как рассогласованное, диссонирующее, негативное.

В §3 «Дискурс о модерне: «дух капитализма» в культуре и социальном пространстве модерна» выводятся наиболее интересные в рамках темы исследования черты западного капитализма как продукта эпохи Модерна. Для этого сфера культуры представляется эффективным общественным индикатором наряду с экономикой. Появление такой характеристики как выставочная ценность и способность стать массовым продуктом потребления говорит о том, что искусство перешло на политическую основу, теряя своё былое подлинное значение. Сам процесс коммуникации в целом оказывается под влиянием отношений господства и подчинения. Для выведения истинно свободной коммуникации необходимо новое критичное понимание самого разума, рациональности, понимаемой в коммуникативном ключе. Это и позволило Хабермасу осуществить интересный ход: веберовское устранение религиозно-мифических картин мира, концепция «рационализации» Вебера послужила опорой для «десубстанциализации» и демифологизации разума.

Новый тип искусства как имитации преобразовал массовую культуру в идеологию, и «подозрение в идеологии» оказалось направлено не только против откровенно неразумных и вредных форм буржуазного идеала, но и

против разумного и полезного потенциала буржуазной культуры в целом. И здесь критический разум начинает сам себя подозревать в претензии на получение власти, тем самым потеряв истинную критическую силу – таким образом критика идеологии нацелилась на саму себя. Директива капиталистической идеологии здесь: потребляйте, но не вмешивайтесь в управление вами. Только при подчинении нормам капитализма возможно его функционирование. Потому изначально, согласно Веберу, все общество было охвачено духом протестантской аскезы, которому оказалось подвластно сформировать новое мышление, способное перевернуть все ценностные представления о цели хозяйствования

Объяснение развития капитализма посредством подобного рода рациональной организации жизни в духе протестантской этики, интерпретации антагонизма капиталистического общества через понятия рациональности и целерационального действия, тем не менее, имеют слабое место: капитализму необходим процесс массового потребления, для которого присущ вовсе не аскетизм, не отказ от мирского, а, хотя бы в мелких дозах, гедонизм.

Так или иначе, здесь заключается одна из особенностей капитализма, которую понял ещё К.Маркс – самореализация капитала продуктивно распределяет все излишки. Однако под власть распределения попали не только товары и в известном смысле не только искусство, но и наука. На закате эпохи Модерна истинным стало считаться то, что плодотворно с точки зрения машинерии производства\потребления, то есть основание науки все в большей степени перемещается по ту сторону знания и истины, а именно в область эффективности.

Глава 2 «Свобода в пост-идеологии: симптом» посвящена анализу феномена отчуждения в его заключительной на настоящий момент исторической форме, когда при переходе общества из индустриальной в постиндустриальную стадию реификация сменяется знаковым отчуждением.

В §1 «Экзистенциальный опыт свободы в социальном поле тотального отчуждения» основной характеристикой субъекта Модерна утверждается его *cogito*, которое усилило субъект-объектную оппозицию и посредством гносеологического поворота отстранило человека от собственно бытийствования. Реальность стала объектом, подлежащим рациональному рассмотрению рефлексивными актами сознания субъекта, обработке методами *cogitatio*. Все вещи и явления в таком случае есть *cogitatum*, то есть тем, о чём можно и в соответствии с принципами модерна нужно мыслить. И уже в XX веке Сартр фиксирует *cogito* как инструмент или соучастника решений, актов, поступков и состояний человека, своего рода онтологическую подпорку картезианского *cogito*, добавляя к ней идею свободы как "творения *ex nihilo*". Экзистенциальный опыт свободы подразумевает, что существование предшествует сущности, а, значит, отсутствует возможность при необходимости ссылаться на раз и навсегда данную человеческую природу. Таким образом, никакого детерминизма просто нет, а человек – это свобода. Здесь экзистенциализм указывает на взаимосвязанность абсолютного характера свободного действия, в котором социальный субъект способен реализовать себя, и культуры, которая является следствием такого выбора.

Социальность в глазах экзистенциалиста предстаёт в качестве отчуждённой от человека формой существования его собственного сознания, а поступки, его созидательные акты, лишь превращают протагониста в марионетку, управляемую чуждыми ему социальными силами. В таком случае единственный действительно эффективный, подлинный и свободный тип актуализации человеческих сущностных стремлений, его творческой воли может заключаться лишь в построении себя как себя-сознающего-субъекта, критически ухаживающего за своей самостью. *Cogito* содержит в себе не только его строго индивидуальную субъективность, но и субъективности других людей. Таким образом, человек, осознавая себя посредством *cogito*, отодвигает занавес, за которым было скрыто родовое

тело, обнаруживает всех «других» в качестве условия своего собственного существования. Так перед субъектом открывается сложная многоуровневая структура, в поле которой становится возможен опыт восприятия окружающей социальной действительности, любого её элемента, а также понимание тождественности всякого самосознания некоторому другому самосознанию, которое необходимо для существования субъекта и для его самопознания. Эту структуру философы и называют интерсубъективностью, то есть такую общность между познающими субъектами, которая является условием или гарантом взаимодействия и передачи знания.

Считается, что принципы свободы выбора и действий фундируют этику рекламных стратегий, но манипулирование спросом, всё же, часто приобретает черты манипулирования личностью, подсознанием человека, о котором потребитель даже не догадывается. В таком случае, протагонист оказывается рабом внушения, и его действия не могут являться интенциональными, ведь он не осознаёт своей мотивации. Если же свобода субъекта соблюдена, и его мотивировка не обременена идеологическими наслоениями или восприятием эффекта «волшебства покупки» (Ж.Бодрийяр), если его покупка заключается «в её существенной характеристике как бытия желаемого, но ещё не реализованного» (Ж.-П.Сартр), то сущностным условием этого действия является свобода.

§2 «Монополия кода как новейшая форма отчуждения» посвящен принципиально иному пониманию феномена отчуждения, когда при переходе общества из индустриальной в постиндустриальную стадию реификация сменяется знаковым отчуждением.

Наиболее полным образом оно описывается Жаном Бодрийяром и обозначается им как «монополия кода». Здесь классическая теория потребностей теряет смысл, потребительская стоимость подменяется меновой, рыночной, подпадая далее под власть знака. Система меновой стоимости возникает как закономерное следствие особенностей процессов абстрактного общественного труда. Но абстрактный общественный труд

эквивалентен системе потребностей, на которой потребительная стоимость и базируется. Еще в XIX веке труд и производство представляли собою основу функционирования общества, но в следующем столетии производство напрямую стало зависимо от потребления, которое выходит на первый план, что вызвано не просто товарным изобилием, а изменением отношения к объектам потребления и их назначению: сама полезность, потребительная стоимость вещи уступает место системе знаков, подобной языку. Объекты потребления исключают из жизни субъекта других субъектов, в каком-то смысле разрушая интерсубъективность как таковую. Другой субъект становится таким же знаком-товаром, как и все прочее, выполняющее определенную знаковую функцию в новой коммуникативной среде. Однако та или иная система может существовать только лишь в том случае, когда её элементы действуют и управляются по одной логике, в рамках одного «кода», который сводит в одно поле как предметы, так и субъекты и их взаимоотношения друг с другом. Данное положение по сути объясняет явление фетишизации стоимостей потребительной и меновой, что в совокупности описывает фетишизм товара и превращение субъекта в знаковый объект. Постструктуралистская лингвистическая модель Фуко с другой стороны описывает превращение языка в самодостаточную систему, так же ниспровергающую социального субъекта.

Так, мы застаем социального субъекта в новой форме потери статуса своей субъектности, когда логика, смысл потребления и дешифровка символов этого новейшего социального языка остаются ему неясными, что облегчает манипулирование им. В таких условиях преодоление отчуждения вряд ли можно считать возможным, ведь если ранее, как утверждал марксизм, источником отчуждения являлась меновая стоимость, то сейчас так же и стоимость потребительная.

В заключительном **§3 «Пост-идеология: симптом Реальности и реальность симптома»** социальный субъект и степень его автономии рассматривается в пространстве сегодняшней ситуации идеологии/пост-

идеологии, функция которой теперь «в том, чтобы представить саму социальную действительность как укрытие от некой травматической, реальной сущности» (С.Жижек). Она действует не как иллюзия, обрамленная в теорию и догмы, а как выстроенная из фантазмов структура, «фантазматическая конструкция», на которой держится сама наша социальная действительность, которая структурирует и наши общественные отношения.

Феномен отчуждения в версии К.Маркса связывается с понятием симптома. Причем, чем меньше субъект понимает логику этого симптома, тем с большим наслаждением он сможет находиться под влиянием той или иной формы товарно-денежного фетишизма. То же самое происходит, например, при процессе обмена как деятельности, возможной только при условии, что ее участники до конца не осознают логики обмена. То есть необходимой компонентой данного процесса является определенное незнание со стороны его индивидов-участников. Только в условиях незнания своих собственных предпосылок может существовать «Я» как следствие и эффект этого незнания. Известная формула К.Маркса: «Они не знают этого, но они это делают» говорит о том, что сама сущность идеологии предполагает наличие «наивного сознания». Данная модель была актуальна лишь для той системы социальных координат, социальные субъекты которой либо лишь действовали, не осознавая, либо действовали, осознавая ошибочно, предаваясь иллюзии товарно-денежного фетишизма. Постмодернистская формула звучит иначе: «Они знают, что делают, и делают это». Субъекты сознательно строят свою социальную деятельность, находясь под влиянием фетишизации.

Поэтому идеология в таком случае имеет своей целью не стремление увильнуть от действительности при помощи лживых теоретических положений, а представление самой социальной действительности как попытку предполагаемого увиливания при помощи лжи, которая способна восприниматься субъектами как истина, которую желали бы воспринимать

всерьёз. И в данной ситуации социальные субъекты прекрасно понимают, что дарованная им свобода играет роль лишь социального камуфляжа для новой уникальной формы эксплуатации.

Супер-субъект – уровень идеологии, критика которой уже сама по себе идеологична, т.к. социальный субъект, травматичный по своей сути (Лакан) уже в момент социализации становится её адептом. Супер-субъект представляет собою характеристику, обозначение не только постмодернистской идеологии, но и самого участника общественной жизни. И в данном ракурсе «супер-субъект» может выступать как новая трактовка постмодернистской идеи о смерти субъекта. «Если онтологическим основанием Субстанции, понимаемой как природное статичное-данное-Бытие (Sein), является Идентичность (с самим собой), то последним основанием Субъекта Дискурса, раскрывающего это Бытие и себя-самого, то есть Человека, служит Негативность» (Г.В.Ф.Гегель). Здесь человек (субъект) утверждается как диалектический процесс, как негативность, как акт построения себя посредством отрицания, как отсроченная и осознающая сама себя смерть. В отрицании наличного бытия, сподручного мира кроется субъект как для-себя объективная реальность. Но если в данном случае подразумевается противопоставление человека природе, то мы переносим эту концепцию на социальный мир и видим в постмодернистской идее о смерти субъекта возможно необходимый диалектический этап его построения, рождения заново. То есть положение супер-субъекта является той социальной метаморфозой, после которой мы сможем констатировать возвращение к началу, в котором субъект получит иммунитет к обществу потребления. Это своего рода критическая масса знакового изобилия, в которой пресыщенный знаками социальный субъект сам себя негативировал, разложил, уничтожил с целью последующего собирания себя в новую форму субъекта, способного жить в той эпохе, которая последует за постмодерном.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги и обозначаются перспективы дальнейшего развития темы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

- 1) Гатауллин А.И., Лебедев А.Б. Социальное отчуждение как предмет психоанализа // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – Т. 152, кн. 1. – С. 100-108.
- 2) Гатауллин А.И., Лебедев А.Б. Степень свободы социального субъекта в пространстве пост-идеологии // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – Т. 153, кн. 1. – С. 32-41.
- 3) Гатауллин А.И. Взгляд на статус социального субъекта сквозь призму проекта структурализма // European Social Science Journal. – 2011. – №5. – С. 38-43.

Публикации в других изданиях:

- 4) Гатауллин А.И. Трансформации в культуре как следствие процессов глобализации // Проблемы культурной идентичности в глобализирующемся обществе: сборник научных статей / Отв. ред. Г.Н. Степаненко. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 46-48.
- 5) Гатауллин А.И. Жители паноптикума // Проблемы культурной идентичности в глобализирующемся обществе: сборник научных статей / Отв. ред. Г.Н. Степаненко. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 71-73.
- 6) А.И.Гатауллин Идеология в постмодернистской версии: симптом // Научная перспектива. – 2011. – №8. — С. 41-42.